

Цзян Хуай: «...»

Цзян Хуай и сам подумал: эх, очутиться бы сейчас в доме Бо Цзяня. Тогда он мог бы прямо на месте сломать ему руки.

Бо Цзянь поднялся:

— Ты пока разбери ошибки и исправь их. На этом тесте я отметил почти всё, что нужно... Если что-то останется непонятным, спрашивай.

Он отступил чуть дальше, и Цзян Хуай больше не видел его лица — в объектив камеры попадали только плечи Бо Цзяня. Цзян Хуай заметил, как его пальцы коснулись самой верхней пуговицы на воротнике рубашки. У формы Второй школы было два варианта рубашек: с коротким рукавом для лета и с длинным для осени.

Рубашка выглядела сногшибательно белой, словно новенькая. Бо Цзянь расстегнул сверху несколько пуговиц.

Кончик ручки Цзян Хуая расплылся на бумаге жирной черной кляксой. Не сводя глаз с окна видеосвязи, он спросил:

— ...Ты чего делаешь?

— О, ты меня ещё видишь? — раздался голос Бо Цзяня. — Я иду в душ.

Сказать-то он сказал, но откладывать или переворачивать телефон экраном вниз не спешил.

Цзян Хуай уставился в экран. Бо Цзянь снял рубашку, обнажив плавные очертания мышц плеч и спины. От природы у него была бледная кожа — среди Альф такие встречались редко, а те, у кого кожа была светлой, обычно специально ходили загорать. Однако бледность Бо Цзяня вовсе не делала его похожим на хилого цыпленка; скорее, это выглядело как... идеальная, доведённая до педантичности чистота.

Сняв рубашку, Бо Цзянь аккуратно расправил манжеты и воротник, отгладил пальцами складки и только потом повесил её на напольную вешалку неподалеку.

Цзян Хуай почувствовал, как у него осел голос:

— Ты не можешь раздеваться в ванной?

Бо Цзянь стоял к нему вполоборота, и Цзян Хуай отчётливо видел безупречную линию его талии и пресса.

— Не люблю бросать вещи в ванной.

— ...И поэтому ты собираешься раздеться догола прямо здесь?

Цзян Хуай был убеждён, что это откровенная, наглая провокация... И дело даже не в Бо Цзяне — сделай так любой незнакомец, это всё равно выглядело бы как намеренный соблазн. Бо Цзянь слегка повернулся. Цзян Хуай по-прежнему не видел ни его лица, ни выражения глаз, слышал только его едва ощутимый, тихий вопрос:

— А сколько вещей ты хочешь, чтобы я снял?

Цзян Хуай плотно прижался спиной к спинке стула, ладони мгновенно покрылись испариной. Он и сам не понимал, отчего так нервничает — может, боялся, что его грязные мысли, которые уже некуда было спрятать, вот-вот выплывут наружу.

— Сколь бы ни снял, мне до лампочки, — ухмыльнулся Цзян Хуай. — Слушай, хватит вещать так, будто ты обслуживание клиентов в стрип-клубе предлагаешь.

— Я не обслуживаю клиентов. Я принимаю только тебя, — ответил Бо Цзянь.

Раздался тихий, едва слышный щелчок расстёгиваемой пряжки ремня.

Спина Цзян Хуая одеревенела.

Бо Цзянь медленно, сантиметр за сантиметром, аккуратно вытянул ремень из шлевок. Повернувшись, он повесил ремень туда же, на вешалку. Игра света и тени: он стоял спиной к Цзян Хуаю, ямочки на поясице утопали в мраке, зато плечи и спина были залиты холодным светом.

Словно какой-то смертоносный хищник.

Цзян Хуай никогда еще с такой отрезвляющей чёткостью не осознавал, насколько они с Бо Цзянем разные.

Бо Цзянь — Альфа. Почти взрослый Альфа.

А он — Омега.

Даже если он отрицает это, если ему это не нравится, если он годами игнорировал и скрывал правду, он всё равно остается Омегой. А на железе у него на затылке до сих пор стоит метка Бо Цзяня.

Глубоко внутри он жаждал прикосновений Бо Цзяня — и жаждал прикоснуться к нему сам.

Даже просто глядя на него через экран, он хотел обнять Бо Цзяня. Потому что Бо Цзянь пометил его... и потому что он его любил.

Сердце Цзян Хуая заколотилось. Он стиснул в руке лист с ответами, уголок которого уже размок от пота на его пальцах.

Бо Цзянь опустился на одноместный диванчик неподалеку, расстегнул молнию и спустил брюки, сбившиеся у лодыжек. Не вставая, он слегка наклонился, поднял брюки и аккуратно их сложил.

Он поднял взгляд, его голос звучал слегка хрипло:

— Цзян Хуай... не смотри на меня так.

От автора: Председатель: «Ах, как смущающе!»

Цзян Хуай резко отшатнулся назад, с громким скрипом ножки стула проехали по полу.

Бо Цзянь сидел на диванчике, слегка подавшись вперед, его босые ступни касались пола. Аккуратно сложенные брюки лежали чуть выше колен, а всё, что ниже живота, скрывала густая тень.

Теперь, когда он сел, Цзян Хуай наконец-то мог видеть его лицо. Бо Цзянь тихо произнёс:

— Цзян Хуай, не смотри на меня.

«Я больше не хочу, чтобы ты смотрел».

«Я пожалел об этом».

— Я стесняюсь, — сказал он.

Кадык Цзян Хуая дернулся пару раз. Он отвернулся — сам он, блин, тоже смотреть не хотел... Но в последний момент краем глаза всё же мазнул по нему взглядом и выплюнул:

— Чёрта с два ты стесняешься.

Слова председателя Бо «я стесняюсь» никогда не звучали хоть сколько-нибудь убедительно, потому что ни один нормальный человек не станет заявлять о своей смущённости с абсолютно невозмутимым видом, спокойным пульсом и ленивой вальяжностью.

Какое, к чёрту, смущение.

Рука Бо Цзяня лежала на брюках на коленях, подушечки пальцев вытерли о ткань лёгкую влагу.

— Закрой пока глаза... Я иду в ванную.

Он недооценил то, насколько сильно его тянет к Цзян Хуаю. Или, скорее, недооценил собственнические инстинкты Альфы по отношению к своему Омеге. У Альф действительно нет периода гона, однако его Омега сам был для него сплошным гоном — всегда, в любую секунду, в любом месте.

Бо Цзянь опустил ресницы. Его сердце бешено колотилось.

Цзян Хуай на миг опешил... Серьёзно? Бо Цзянь что, правда смутился?

На мгновение Цзян Хуай даже растерялся: о чём ему думать в первую очередь — о том ли, что «неужели такой тип, как Бо Цзянь, вообще способен смущаться», или же «раз ты стесняешься, какого чёрта раздевался прямо перед камерой, утягивая за собой и меня»?

Помолчав, Цзян Хуай развернул окно видео на весь экран и с вызовом вскинул бровь:

— Иди давай.

— ...

Бо Цзянь поднял глаза:

— Не смотри на меня, закрой глаза.

Цзян Хуай насмешливо фыркнул:

— А вот и не закрываю.

— Закрой.

— А я не буду, — Цзян Хуай провел языком по зубам. — И что ты мне сделаешь?

Он махнул рукой:

— Иди давай, ванная прямо рядом. Когда раздевался, что-то смущения видно не было, а как всё снял, так сразу застеснялся? Решил сначала сделать, а потом каяться?

Бо Цзянь:

— ...

Инициатива перешла к Цзян Хуаю. Он откинулся на спинку стула и лениво произнес:

— Иди, я жду. — Замявшись на секунду, он с подвохом добавил: — И я буду смотреть во все глаза.

Бо Цзянь некоторое время молчал, затем проговорил:

— Цзян Хуай, ты ведешь себя как хулиган.

Цзян Хуай хотел было буркнуть «какой еще нафиг хулиган», но в последний момент передумал и кивнул:

— А ты прав. Иди. Или подожди: можешь подойти и сам отключить видео.

— ...

Бо Цзянь слегка наклонил голову.

— Цзян Хуай, закрой глаза, — глухо, едва слышно прошептал он. — У меня... встал. Я не хочу, чтобы ты это видел.

Цзян Хуай замер.

— Закрой глаза, — повторил Бо Цзянь.

Цзян Хуай весь напрягся. Ничего не ответив, он отвернулся и зажмурился.

Они не сидели в одной комнате, это были лишь индивидуальные онлайн-занятия по выходным. Цзян Хуай толком не слышал шорохов на том конце провода — тихие звуки скрадывались связью и пропадали вовсе, зато его собственное сердце колотилось всё оглушительнее.

Свет настольной лампы пробивался сквозь тонкие веки. Цзян Хуай под ними пошевелил зрачками; ему казалось, что прошла уже целая вечность.

Уголок листа формата А4 уже давным-давно размок от липкого пота.

Спустя неизвестно сколько времени Цзян Хуай слегка повернул голову и приоткрыл один глаз, приглядываясь к экрану.

Бо Цзянь как раз тянулся за телефоном и, подняв взгляд, встретился с ним глазами.

Цзян Хуай оцепенел и тут же снова отвернулся:

— Чёрт, что ты так долго?

— Ты... — начал было Бо Цзянь, но осекся. Его кадык дернулся. Помолчав некоторое время, он произнёс: — Для начала исправь ошибки в сегодняшнем тесте по китайскому.

— ...Ладно.

— На эти выходные тебе лучше составить расписание. Например, отвести сегодняшний и завтрашний дни под китайский и английский: в какое время — утром, днём или вечером — какую именно часть предмета ты повторяешь, чтобы точно закрыть пробелы. — Голос Бо Цзяня снова стал размеренным и спокойным, словно секунду назад ничего не случилось.

У Цзян Хуая уже шея затекла так сидеть, поэтому он просто развернулся всем телом:

— Понял.

— Тогда я пойду помыться, а ты занимайся.

Цзян Хуай снова буркнул:

— Угу.

Он сидел на стуле боком, упершись локтями в колени и подперев голову ладонью. Лишь когда с той стороны окончательно стихли даже самые тихие шорохи, Цзян Хуай вновь открыл глаза и покосился на окно видеосвязи.

Никого не было.

Цзян Хуай выпрямился и расслабленно откинулся на спинку стула, словно у него не осталось костей. Наугад цапнув красную ручку, он прокрутил её пару раз между пальцами, но та с щелчком вывалилась на стол.

Он снова поднял ручку, крутанул ещё пару раз, и она опять со стуком упала.

Цзян Хуай уставился на первое задание в тесте по китайскому, полностью погрузившись в протрацию.

Белая ткань, слегка влажная, отчетливо топорщилась внушительным бугорком.

Он сдёрнул колпачок с красной ручки и судорожно перечеркнул ошибочные варианты в бланке ответов. Ручка не писала; Цзян Хуай резко развернулся и одним взмахом руки отправил её прямо в мусорное ведро.

<http://bllate.org/book/18377/1766610>